

DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.048

УДК 82:398 + 811.161.1'282 + 398:549.01 +
+ 549.01:671.157

В. С. Кучко

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия

ЖЕМЧУГ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Жемчуг — один из самых часто встречающихся драгоценных камней в русском фольклоре. Высокая частотность его упоминаний является отражением его важного места в русской культуре, где он в определенный исторический период (с XVI–XVII вв. и вплоть до XIX в.) играл роль одного из ее символов. Жемчуг не был камнем только лишь высших слоев общества и высшего духовенства. Он — особенно на Русском Севере, территории его добычи в России, — был относительно доступен и мещанству, и даже зажиточному крестьянству (а бедное крестьянство, стремясь к ношению жемчуга, использовало его имитации). Его укорененность и высокая ценность в народном быту способствовали тому факту, что упоминания жемчуга (т. е. слова, входящие в словообразовательное гнездо *жемчуга*: *жемчуг*, *жемчужок*, *жемчужин(к)а*, *жемчужный*, а также их фонетические варианты с начальным *з*) можно обнаружить почти во всех жанрах русского фольклора. Настоящая статья призвана дать общее представление о востребованности образа жемчуга в текстах русского фольклора. Задачи статьи видятся также в том, чтобы осветить жанровую широту, в пределах которой функционирует этот образ; отметить темы и мотивы, в которых встречаются упоминания жемчуга, символику жемчуга в фольклорных текстах; отметить текстовых партнеров, наиболее часто сопровождающих появление упоминаний жемчуга в фольклоре. Основными источниками материала послужили: для корпуса былин — «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым»; плачей — сборники причитаний Е. В. Барсова, Б. Е. и К. В. Чистовых; сказок — собрание А. Н. Афанасьева; сборник «Великорусские народные песни» А. И. Соболевского и другие собрания локального или общерусского фольклора.

Ключевые слова: русский фольклор; язык фольклора; лингвофольклористика; образ жемчуга; символика жемчуга; традиционная культура; камни в народной культуре

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

Цитирование: Кучко В. С. Жемчуг в русском фольклоре // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 118–138. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.048>

Поступила в редакцию: 02.04.2022

Принята к печати: 08.07.2022

Valeria S. Kuchko*Perm State National Research University*
Perm, Russia**ЖЕМЧУГ IN RUSSIAN FOLKLORE**

Pearls are some of the most frequently encountered gems in Russian folklore. This reflects their importance for Russian culture, where from the sixteenth and seventeenth centuries and up to the nineteenth century, they were among its symbols. Pearls were not only gems representing the highest strata of society and the highest clergy. They were relatively easily accessible to the common people, and even to the peasantry, especially in the Russian North, the territory of their extraction in Russia (the poor peasantry used imitations). The rootedness and high value of pearls in folk life contributed to the fact that words from the word-formation family *жемчуг* can be found in almost all genres of Russian folklore. This article aims to give a general idea of the relevance of the image of pearls in the texts of Russian folklore. The objectives of the article are also to highlight the genre breadth within which this image functions; to mention the themes and motifs in which there are references to pearls; to reveal the symbolism of pearls in folklore texts; to note the textual partners that most often accompany the appearance of pearls in folklore. The article mostly refers to *Songs Collected by P. N. Rybnikov*; collections of lamentations by E. V. Barsov and B. B. Efimenkova; collection of fairy tales by A. N. Afanasyev; song collection by A. I. Sobolevsky and some other collections of local and all-Russian folklore.

Key words: Russian folklore; language of folklore; linguistic and folklore studies; image of pearls; symbolism of pearls; traditional culture; gems in folk culture

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Science Foundation*, project 20-18-00269 “Mining Industries and Early Factory Culture in Language, “Naïve” Writing and Folklore of Ural Region”.

For citation: Kuchko, V. S. (2022). *Zhemchug v russkom fol'klore [Жемчуг in Russian Folklore]*. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(3), 118–138. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.048>

*Submitted: 02.04.2022**Accepted: 08.07.2022*

Роль жемчуга в русской культуре была очень значительна с древних времен. Жемчуг широко использовали в древнерусских медальонах, лунницах, колтах, причем форма жемчужин, их размеры и цвет позволяют предполагать, что происхождение этого жемчуга в основном местное [Кораго, с. 13]. Сохранилось множество свидетельств русского жемчужного изобилия, присущего в первую очередь высшим слоям общества и высшему духовенству, среди которых, например, такие: во время обряда установления патриаршества на Руси (конец XVI в.) царица Ирина (Годунова) вручила патриарху блюдо с драгоценностями, среди которых насчитывалось 6 000 жемчужин [Забозлаева, с. 131]; Лжедмитрий

послал в дар Марине Мнишек три пуда жемчуга [Забозлаева, с. 131]. Жемчуг использовался не только для самостоятельных ювелирных украшений. Знаменито русское жемчужное шитье (*низанье* и *саженье*), когда жемчуг низался на нить, а затем эту низку прикрепляли к ткани. Уникальные русские предметы одежды, быта, церковного одеяния и утвари, в изобилии шитые или орнаментированные жемчугом, сегодня доступны в музеях Кремля, новгородских музеях и др. Можно без преувеличения сказать, что жемчуг, особенно с XVI–XVII вв. и вплоть до XIX в., был одним из символов русской культуры.

Важнейшая особенность бытования русского жемчуга состояла в том, что он был частью быта всех слоев населения, включая мещанство и зажиточное крестьянство. Барон Гакстгаузен, путешествовавший по России в 40-е гг. XIX в., отмечал: «Есть губернии, как, например, Нижегородская, в которых каждая крестьянка носит на шее, на головном уборе от 200 до 300, а иногда и до тысячи настоящих жемчужин» [цит. по: Якунина, с. 32]; ср. и свидетельство «изнутри» Нижегородской губернии: Н. Н. Шипов в своей автобиографии пишет о своей невесте в день свадьбы в 1820 г. (Нижегородская губ.): «...На шее [у нее] было ниток 40 разной величины жемчуга, в ушах жемчужные серьги, на голове жемчужная повязка...» [Шипов, с. 142]. Жемчуг применялся в народном ювелирном и декоративном искусстве, и если правящие круги с нововведениями эпохи Петра I перестали носить вышитое русское платье и обувь, то крестьянская одежда (прежде всего, разнообразные женские головные уборы) продолжала оставаться, наряду с церковным облачением, «областью применения» жемчуга вплоть до самого позднего времени (к примеру, на Терском берегу Белого моря поморки носили традиционные повойники, часто вышитые жемчугом, вплоть до второй половины XX в.).

Значимое место жемчуга в русской культуре обеспечило образу жемчуга проникновение в художественную литературу разных эпох [см.: Грачева]. Для нас важно, что жемчуг был относительно доступен низшим слоям общества, что отразилось в частотности его упоминаний в русском фольклоре, где жемчуг — это один из самых часто встречающихся драгоценных камней. Упоминания жемчуга есть фактически во всех жанрах русского фольклора. Настоящая статья носит обзорный характер. Ее задачи — дать представление о востребованности образа жемчуга в текстах русского фольклора; осветить жанровую широту, в пределах которой функционирует этот образ; отметить темы и мотивы, в которых встречаются упоминания жемчуга, символику жемчуга в фольклорных текстах, изофункциональные ему образы, а также устойчивые словесные ряды, в рамках которых частотны упоминания жемчуга в фольклоре.

Под упоминаниями жемчуга понимаются слова, входящие в словообразовательное гнездо *жемчуг*: *жемчуг*, *жемчужок*, *жемчужин(к)а*, *жемчужный*, а также их фонетические варианты с начальным *з*.

Основными источниками материала послужили: для корпуса былин — сборник песен П. Н. Рыбникова; плачей — сборники Е. В. Барсова и Б. Б. Ефименковой;

сказок — А. Н. Афанасьева; корпус песен А. И. Соболевского и другие сборники локального или общерусского фольклора.

Помета о месте записи текста делается везде кроме тех случаев, когда оно неизвестно.

Постоянный эпитет *жемчуга*, который сопровождает его фактически во всех тех жанрах, в которых он фигурирует, — *скатный / скачен(ый)*, т. е. ровный, гладкий, округлый¹. Значительно реже *жемчуг* может характеризоваться словами *крупный, мелкий, отборный, чистый* (последнее — постоянный эпитет *серебра*).

Одна из главных тем, в разработке которых фольклорные тексты активно используют образ жемчуга, — это тема богатства и изобилия. В связи с этим обращает на себя внимание участие *жемчуга* в формировании ассоциативного ряда² с *золотом* и *серебром*. Как на уровне образов, так и на уровне слов, их выражающих, триада «золото — серебро — жемчуг» постоянно воспроизводится в фольклорных текстах разных жанров и образует трехчастный эталон материальных ценностей, воплощает представления о безграничном богатстве и достатке. Ниже иллюстративные контексты будем приводить отдельно для всех фольклорных жанров, разрабатывающих тему богатства с помощью этого эталона.

В текстах былин этот ряд чаще всего реализуется в изображении разного рода объектов, полных *красного золота, чистого серебра* и *скатного жемчуга*: это мисы, чаши, бочки, котомки, корабли, погреба. В былинах сборника песен Рыбникова (исключая песни других жанров) всего встречается 68 упоминаний жемчуга, из них 56 — в ряду с упоминаниями золота и серебра, ср., например:

Тут Владимир князь стольно-Киевский <...>
Накладывал первы мисы чиста серебра,
А други мисы красна золота,
А третьи мисы скатна *жемчуга*
(Петрозавод. у. Олон. губ.) [Рыб, т. 1, с. 109];

Тут бочки висят чиста серебра,
А другие висят красна золота,
А третьи висят скатна *жемчуга*
(Петрозавод. у. Олон. губ.) [Там же, с. 295];

И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна *жемчуга*,
И понесла в даровья князю Новгородскому.
(Пудож. у. Олон. губ.) [Там же, с. 341]

¹ Интересно, что в [СРНГ] включен с пометой «фольк.» только эпитет *скачёный*.

² *Ассоциативный ряд* (термин А. Т. Хроленко) — устойчивый словесный комплекс, используемый в разных контекстах и разных жанрах фольклора; см. подробнее [Хроленко, с. 96 и далее].

Иногда возможно расширение ряда за счет объединения *золота и серебра* в бином и добавления еще одного элемента в триаду, ср.:

Первый грузон корабль златом и серебром,
А другой грузон корабль скатным *жемчугом*,
А третий грузон корабль жениным приданным
(Каргопол. у. Олон. губ.) [Рыб, т. 1, с. 467];

Первую мису наклади злата-серебра,
Другую мису скатна *жемчуга*,
Третью мису камня драгоценного.
Как тая злая баба зубатая
Накладала мису злата-серебра,
Другую мису скатна *жемчуга*,
Третью мису камня драгоценного.
(Петрозавод. у. Олон. губ.) [Там же, с. 259]

Былинный образ трех кораблей, в том числе одного, полного жемчугом, заимствовался в северные свадебные причитания, ср. тексты, произносимые во время приезда свадебного поезда в первом примере и дарения невестой жениха во втором:

И как на первом пришло да все на карабле
И много скатного пришло да туды *жемчужку*;
И как на другом на славном на карабле
И много чистого пришло да туды серебра;
И на третьем пришло столько на карабле
И много красного пришло да туды золота
(олон.) [Бар, т. 2, с. 473];

Первый корабличек со скатным *жемчугом*,
А другой корабличек со златом, серебром,
А третий корабличек с душой красной девицей.
[Шейн, с. 540]

Триада «золото — серебро — жемчуг» присутствует в разных типах причитаний:

И обсажу волю скатным я *жемчугом*,
И обошью волю чистым я серебром,
И обовью волю красным я золотом!
(Плачи сговорные, олон.) [Бар, т. 2, с. 296];

Вам злата за то надо или серебра?
Али красного вам надо да ведь золота?
Али скатным возьмете да вы *жемчугом*?
(Плач по дочери, олон.) [Бар, т. 1, с. 146];

в календарно-обрядовых и лирических песнях:

Кто этому молодцу голову чесал,
Кто ему кудри завивал,
На первый ряд чистым серебром,
На второй ряд красным золотом,
А на третьей ряд скатным *жемчугом*.
(Винограды, арх.) [Ефименко, с. 149];

Незнакомый молодец Богу молится <...>.
У него в три ряда русы кудри завиваются;
Во первый ряд завивались чистым серебром,
Во второй ряд завивались красным золотом,
Во третий ряд завивались скатным *жемчугом*
(арх.) [Соб, т. 3, с. 190];

в духовных стихах:

Протекала мати Втай-Река, <...>.
У ней доньшко серебряное,
Круты бережки позолоченые,
А желты пески крупной *жемчуг*
(Соловецкий монастырь)
[Надеждин, 1845, с. 62];

в сказках:

Сивка-Бурка бежит (к мертвому дедушке), дак мать-земля дрожит, кругом копыт *жемчуг* оввит [обвит], грива золотая, а хвост серебрян, а из ушей пламя маше (арх.) [Кенозерские сказки..., с. 51].

Семантика членов этого ассоциативного ряда может расширяться до обобщенной положительной характеристики объекта, ср. например:

Хороший хмель уродился –
Серебряные тычинки,
Верхи золотые,
Венцы *жемчужные*.
(костр., хороводная песня)
[Соб, т. 3, с. 144]

Смысловой компонент «серебро» в указанном ассоциативном ряду может отсутствовать, *жемчуг* и его дериваты нередко функционируют в текстовой паре с *золотом* и его дериватами, ср.:
в былинах –

[Овдотьюшка] Вышивает шириночку красным золотом,
А и высаживать дорогим-то мелким *жемчугом*.
(«Иван Годенович», арх.) [Марков, с. 417];

А как эти перчаточки <...>,
 А вышиваны-ти были красным золотом,
 А высаживаны дорогим-то скатным *жемчугом*.
 («Князь Глеб Володьевич», арх.) [Марков, с. 430];

в календарно-обрядовых и некалендарных песнях —

Меня матушка
 Журить будет, бить
 По три утра, по четыре,
 По три прута золотые,
 По четыре прутика
Жемчужные.
 (Святочные гадания. Песня)
 [Обрядовая поэзия, с. 120];

Кабы эта-то голубушка
 На моих сенях жила,
 Я бы золотом обвесил,
Жемчугом бы обсадил
 (Песни хороводные, хоровые, плясовые
 и игровые) [Северный край, т. 3, с. 177];

Золото с золотом свивалось,
 Да *жемчуг* с *жемчугом* сокаталсе.
 Да как возговорят Марьины подруги:
 «Наше-то золото получше,
 Да наш *жемчуг* подороже».
 И возговорят Ивановы бояра, да бояра:
 «А чем ваше золото получше, да получше?
 А чем ваш *жемчуг* подороже, да подороже?»
 (Песни на сговоре) [Обрядовая поэзия, с. 362];

Девушки: Что же вам надобе?
 Парни: Нам надобе девица.
 Д: Вам которая девица?
 П: Нам надо крайняя.
 Д: У нас крайня в золоте.
 П: Нам надо в *жемчуге*.
 (Хороводные, игровые песни. Вологод. губ.,
 Сольвычегод. у.) [Шейн, с. 80];

в причитаниях —

Побусили *жемчуги* да перебраныи,
 Изоржавели колечка золочёныи!
 (Плач о потопших, олон.) [Бар, т. 1, с. 217].

Пара «жемчуг — золото» может участвовать в описании чудесных существ, мифологических персонажей — в этих случаях драгоценный металл и драгоценный камень изофункциональны и выступают спутниками иномирности, указывают на выход за пределы обыденного, ср., в частности, описания коня Ильи-пророка в скопческом духовном стихе, записанном в Соловецком монастыре:

...Хорошо его конь убран. // Золотыми подковами подкован. // Уж и этот конь не прост: // У добра коня *жемчужной* хвост, // А гривушка позолоченная, // Крупным *жемчугом* унизанная; // В очах его камень-маргарит³, // Из уст его огонь-пламень горит [Надеждин, с. 47–48];

волшебного коня из сказки:

А копыта у коня подбиты крупным *жемчугом*. Глаза яркие, как звезды, грудь широкая, грива золотистая [Великий Север, с. 208];

чудесной сестры из сказки:

У меня сестра такая: засмеется — так вся *жемчугом* вокруг обовьется, а заплачет — так золотом плачет. <...>

Залетела на двор, кожух сдернула, другой сдернула, третий сдернула, и очудилась девицей, и зашла к брату в тюрьму. Посидела, поплакала, кучу золота наплакала, другу — *жемчугу*. Брат тут и узнал, за что сидит в тюрьмы («Агар Агарович», Терский берег Белого моря) [Балашов, с. 169].

Смысловая связь жемчуга с золотом настолько прочна, что *золотой* или *золоченый* становятся эпитетом *жемчужины*, ср. контексты из свадебного причитания:

Государева ты моя Честна девья-то красота, Золотая *жемчужина!* (волог.) [СРНГ, т. 7, с. 98];

свадебной песни, поющей невесте:

По едину русу волосу, Что по маленькой по маковцы, По золоченой по *жемчужине* [Ефименко, с. 118];

былины:

Злачен *жемчуг* по карманам клал, А злато-серебро по запазушью? (арх.) [СРНГ, т. 10, с. 299].

Соположение *жемчуга* с *золотом* ясно указывает на то, что жемчуг выступает в текстах символом богатства; кроме того, он символизирует благополучие. Оттого упоминание жемчуга в подблюдных песнях сулит счастье и богатство:

³ Камень-маргарит — очевидно, тоже жемчуг, от др.-греч. μαργαρίτης 'жемчуг, жемчужина' (о разных названиях жемчуга в русском языке и их производных см. [Шустов]). Для данного контекста также важно, что духовные стихи могут отражать иконографию: золотое и жемчужное оформление православной иконы.

Живут мужики богатые.
Лады!
Гребут **жемчуг** лопатами.
Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется!
[Обрядовая поэзия, с. 100];

Щука шла из Новагорода,
<...>
Как у щуки спина **жемчугом** сплетена,
Слава!
Как головка у щуки унизаная,
Слава!

(тул.) [Сахаров, с. 13].

Жанр причитаний предполагает, как известно, оппозицию благополучного, даже идиллического прошлого до момента потери трагическому настоящему и будущему. Жемчуг в причитаниях может служить приметой прежней благополучной жизни:

...Как жила я у желанных родителей, <...>
Изнасажена была я скатным **жемчугом**!
(Плач вдовы по муже, олон.) [Бар, т. 1, с. 29]

Для жизни до момента перехода (смерти, ухода в рекруты, утраты девичества) используется формула «кто-либо жил — как скачен жемчуг рассыпался»:

[К покойнице:] Как пчела в меду, добротинка, купалася,
Как скачен **жемчуг** по блюду рассыпалася!
(Плач по дочери, олон.) [Там же, с. 106];

И как жила я за любимой семеюшкой, <...>
И как скачен **жемчуг**, горюша, рассыпалася!
(Плач по рекруте женатом, олон.) [Бар, т. 2, с. 142].

В силу того, что плачи констатируют утрату и отсутствие благополучия в момент речи, жемчуг как его символ упоминается в конструкциях с отрицанием, параллельных утверждению несчастья; **жемчуг** противопоставляется *кручинушке* и *обидушке*:

Как не **жемчушком** головка изнасяна –
Великой кручинушкой наделена!
(Плач о потопших, олон.) [Бар, т. 1, с. 218];

И не со скатным перебранным иду **жемчугом**,
Я иду, бедна, с злодийной обидушкой
(Плач по рекруте женатом, олон.) [Бар, т. 2, с. 120];

И все не *жемчужком* сторонка изнасажена:
Изнасияна сторонушка обидушкой.
(Плачи сговорные, олон.) [Бар, т. 2, с. 284]

Соответственно, порча жемчуга (рассыпание жемчужин или тот факт, что они потускнели) сопровождается несчастьем:

Оттошна мои перстни да распаялися,
Со обиды *жемчуги* да роскатилися
(Плач дочери по матери, олон.) [Бар, т. 1, с. 68];

Сотлиет нонь в ларцах цветно платьце,
Забусиют *жемчуги* нонь перебраньи!
(Плач по дочери, олон.) [Там же, с. 111];

С этой страсти у меня да с переполоху, <...>
Побусили *жемчуги* да перебраньи,
Изоржавели колечка золочёныи!
(Плач о потопших, олон.) [Там же, с. 217]⁴

Примета, по которой жемчуг во сне означает грядущее несчастье, отразилась в новгородской лирической песне: мать видит во сне рассыпавшийся жемчуг перед трагической смертью своей дочери от рук мужа –

Нехороший мне сон повидался:
Будто у меня весь *жемчуг* рассыпался;
Я весь жемчуг пособрала,
Не нашла одной *жемчужинки*!
[Соб, т. 1, с. 212]

Это поверье имеет древний характер, ср. хотя бы знаменитый сон Святослава в «Слове о полку Игореве». К. М. Гальковский, перечисляя различные «пережитки язычества», упоминает и о жемчуге как символе несчастья: «Кто носит жемчужное ожерелье, тот будет несчастен: ему придется много плакать. Если же какая женщина находит, что ей к лицу украшения из жемчуга, то следует пользоваться поддельным жемчугом» [Гальковский, с. 285].

Символическая связь жемчуга и грядущего или произошедшего несчастья может реализовываться в текстах разных фольклорных жанров с помощью участия упоминаний жемчуга в разработке мотива слез. В сказках метафора «жемчуг – слезы» может оборачиваться буквализацией:

<...> Третья дочь – как весенней цвет, очи – райской свет, по лицу заря, из очей слезы катятся, будто *жемчуг* падают («Сказка о серебряном блюдецке и наливном яблочке») [Аф, т. 3, с. 261];

⁴ Ср. примечание Е. В. Барсова к этим строкам: «От этих переживаний у девушки <...> потускнели отборные *жемчуга* (по примете *жемчуг* темнеет к беде)» [Бар, т. 1, с. 376].

А она [сестра] така была: засмеется — золото кругом овьётся, а заплачет — *жемчуг* из глаз.

<...>

[Сестра] Прознала, прилетела к нему в тюрьму <...>. И наплакала *жемчугу* полгорницы, он в *жемчугу* очудился весь. Наутро на заре встала, одела лебединые свои крылья — улетела <...>. Сторож увидал, к царю прибежал: — Так и так, царь! Потюремщик сидит в *жемчугу* весь! («Подменная невеста», Терский берег Белого моря) [Балашов, с. 78–79];

— У меня сестра такая: засмеется — так вся *жемчугом* вокруг обовьется, а заплачет — так золотом плачет.

<...>

[Сестра] Посидела, поплакала, кучу золота наплакала, другу — *жемчугу* («Агар Агарович») [Там же, с. 169–170].

В причитаниях *жемчуг* противопоставляется настоящим слезам (можно обозначить этот мотив как «слезы не жемчуг») или выступает в атрибутирующей роли в словосочетании (*не*) *жемчужные слезы*:

Текут слезы у меня, да не скачен *жемчуг*,
У меня, у белой у лебедушки!

(Плач об отце, олон.) [Бар, т. 1, с. 290];

И мое личушко теперь да не бумажное,
И текут слезы у горяюши — не скачен *жемчуг*!

(Плач по рекруте женатом, олон.) [Бар, т. 2, с. 176];

Хоть и личенько, смотрю, есте бумажное —
Не бежат-то всё ведь слёзушки *жемчужные*!

(Плач о дочери, олон.) [Чис, с. 228];

У мня личко не бумажное,
У мня слезы не *жемчужные*!

(Плач сестры по брате, олон.) [Там же, с. 258].

В свадебной причети и свадебных песнях жемчуг тоже соотносится со слезами, также мотив слез задействует образ жемчуга в параллелизме «кто-либо плачет, как жемчуг рассыпается», ср.:

У меня, у красной девицы,
Не *жемчуг* — да горячи слезы

(Плачи невесты, г. Старая Русса) [ФНО, с. 98];

— Разгадай-ка, мая мамынька,
Мой диўный сон <...>:
Прилитали ясны сокылы, <...>
Яны рассыпали крупен *земчуг* <...>.

— Ты, дитя мае Марьюшка,
Ясны сокалы — то сваты мае;
Крупен *жемчуг* — горьки слезаньки
(Девки прибирают невесту под венец,
смолен.) [СЭС, с. 217];

[Девушки-подружки поют:]
Поразсыпья крупной *жемчуг*,
По столам, столам дубовым!
Порасплачься, невеста душа,
Перед своим кормильцем батюшкой!
(Новгород. губ., Валдайский у.)
[Шейн, с. 530].

Говоря об образе жемчуга в свадебных причитаниях, необходимо учитывать, что во всей свадебной поэзии (плачах, свадебных песнях, подблюдных песнях, сулящих женитьбу) ему вообще отводится существенная роль. Мотив рассыпания жемчуга в свадебной поэзии символизирует не физическую смерть, а утрату девичества и свадьбу, ср. в песнях образ рассыпавшегося жемчужного ожерелья, которое не могут собрать члены семьи, но который под силу собрать девушке вместе с «добрым молодцем» — женихом:

Во тереме девица сидит,
Ожерельице *жемчужное* садить.
Разсыпала ожерельице
По всему высокоу терему.
Не собрать, не собрать *жемчужку*
Ни батюшке ни матушке,
Ни братцам, ясным соколам.
Ни сестрицам, белым лебедям.
Соберет, соберет *жемчуг*
Удалой добрый молодец
С душой красной девицей.
(арх.) [Соб, т. 4, с. 665];

Разсыпалось ожерельице
По всему высокоу терему.
Не собрать, не собрать *жемчужок*
Ни братцам, ясным соколам,
Ни сестрицам, белым лебедям.
Соберет, соберет *жемчужок*
Удалой добрый молодец,
Со душой красной девицей.
(олон.) [Там же, с. 666].

В свадебных плачах на сговоре или в день свадьбы при прибытии жениха вместе с поезжанами — т. е. в присутствии жениха или его представителей — невеста

называет появление жениха или его прикосновение к ней причиной рассыпавшегося жемчуга:

И скатны *жемчужки* ведь тут да порассыплются,
И тут пройдет да всё остудник-блад отечской сын <...>,
И как по моему крылечичу переному!

(Плачи сговорные, олон.) [Бар, т. 2, с. 292];

И столько брал да тут остудник-блад отечской сын,
И он за правую ж меня да ручку белую; <...>
И скатны *жемчужки* теперь да раскатилися!

(Приезд жениха и поезжан, олон.) [Там же, с. 475].

В подблюдных песнях катящаяся жемчужина и рассыпавшийся жемчуг означают скорое замужество:

Жемчужина скатная,
До чего тебе докатится?
Пора тебе вон выкатиться,
Князьям, боярам на шапочку.

[Власова, 1974, с. 94];

Рассыпался *жемчуг*,
Иляля, иляля!
По подволоке,
Иляля, иляля!

[Там же];

Катилося зерно по бархату.
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту.
Крупен *жемчуг* со яхонтом,
Хорош жених со невестою.

[Обрядовая поэзия, с. 102]

Жемчуг символизирует девичество, «девичью волю» («красоту»), которая на Русском Севере часто имела материальное воплощение в виде широкой ленты, усаженной бисером или жемчугом [Смирнов, с. 551]:

А как сидит да красна девица –
Это воля моя вольная;
В руках держит красну красоту –
Мою просекную ленту шитую
Со *жемчужной*-то со поднизью!

(Плач невесты в день свадьбы, олон.)
[Чис, с. 370];

И обсажу волю скатным я *жемчугом*,
И обошью волю чистым я серебром,
И обовью волю красным я золотом!

(Плачи сговорные, олон.) [Бар, т. 2, с. 296];

И обсажу да свою вольную я волюшку
И перебранным обсажу да скатным *жемчужком*

(Приезд жениха и поезжан, олон.) [Там же, с. 473];

[Чёсная дивья красота:]
«Дёшёвым я не дёшёва,
Дорогим шибко дорога –
На чотыре тысени!
Что на первую тысечу
Что отласу да бархату,
На другую ту тысечу
Жемчугу строчёнова.

(волог.) [Еф, с. 317]

Прямо обращаясь в архангельской (пинежской) причети к своей жемчужной повязке, невеста говорит:

Уж и потемней-ка и почерней-ка
уж чернее-то сажи потолочной,
уж и грязнее грязи да подорожной.

[Кузнецова, с. 61]

Тот же мотив порчи «красоты» (приобретения ею черного цвета) реализуется в пинежском плаче, который имеет название «жемчуг». Он исполняется невестой, когда ей подносят дары от жениха; ее «одевают ее в самое лучшее платье в штофные полушубок и юбку, а если есть и в парчевне, и повязку, а на шею жемчуг у кого какой есть: дутой или настоящий, последний очень у немногих, а если вовсе нет, то какие-либо перла» [Шейн, с. 389]; «во время плача жемчугу она [невеста] должна ходить по комнате, “расшибаться” и кланяться во все стороны», обращается она к матери [Там же, с. 390].

Жемчуг, будучи устойчивым атрибутом невесты, может становиться в свадебных песнях ее символом:

Выкатался да чистый *жемчуг*,
Выкатался да он рассыпался
На серебряное блюдечко,
На фарфорову тарелочку.
Выводила крестна матушка
Да за правую рученьку.

[Власова, с. 94]

Одновременно образ жемчуга может появляться в свадебной поэзии в связи с фигурой жениха:

Не свачен [так в источнике] **жемчуг** по блюду розсыпался,
Уж как Митрей жениться сподоблялся.

(Свадебные песни г. Белозерска) [Колосов, с. 50]

Образ жемчуга встречается и в величальных песнях жениху и невесте:

Катилось зерно по бархату,
Прикатилось зерно ко яхонту.
Крупен **жемчуг** со яхонтом,
Хорош жених со невестою.

[Власова, с. 94]

Использование образа жемчуга в славильных песнях опирается не только на его большую роль в свадебной поэзии; оно также вписано в широкий круг текстов фольклора, где образ жемчуга востребован для положительной характеристики черт персонажа. Какая-либо черта или действие героя текста, требующие положительной оценки, либо прямо, либо в конструкции с отрицанием сопоставляются с рассыпанием / катанием жемчуга:

И как у нас теперь по высокоу по терему
И не скачен **жемчуг** теперечко катается,
И свет-надёжа по мостиночкам ступает!

(Плач по солдате, пришедшем на побывку, олон.)
[Бар, т. 2, с. 191];

И во устах да твоя ричь-то россыпается,
И как скачен **жемчуг**, бурлакушка, катается!

(Плачи при собирании помочи невесте, олон.)
[Там же, с. 451].

И такая-то она была великолетняя красавица — ни в сказке сказать, ни пером написать: вся наскрозь светее: видеть, как из косточьки в косточьку мозк перетекаёт, как скацный **жемчуг** перетекаётся («Солдат и его жена царь-птица») [Колосов, с. 197].

В сборнике Барсова образ жемчуга используется в обращении плачей к родственникам, чаще всего к лицу, по ком она плачет (так как прямое называние родства фактически табуировано в рамках жанра), — *скаченная жемчужинка* (это обращение крайне устойчиво, скажем, в корпусе свадебных и рекрутских плачей оно встречается 143 раза):

Мне застать бы светушка-братца родимого,
Пока в живности скачёная **жемчужинка!**

(Плач по родном брате, олон.) [Бар, т. 1, с. 132];

Света-братца сдвуродима помяните-тось!
Как судил-привел скачёную **жемчужинку**,
Его душеньку Господь да к покаянию

(Плач о брате двоюродном, олон.) [Там же, с. 170];

И да вы спойте хоть унылу ему писенку,
И взвеселите вы скаченую **жемчужинку!**

(Плач по холостом рекруте, олон.)

[Бар, т. 2, с. 51].

Для виноградий, содержащих брачно-свадебную символику, а также для свадебных песен характерен еще один мотив с участием образа жемчуга — это мотив завивания кудрей молодца (жениха) и убирания их золотом, серебром и жемчугом. Т. А. Бернштам полагала, что этот мотив связи волос с золотом и жемчугом нужно соотносить с мотивом, изображающим родителей жениха как светил, который, в свою очередь, может восходить к мифологическим представлениям о супружеских отношениях светил [Кузнецова, с. 137–138]:

Кто этому молодцу голову чесал,
Кто ему кудри завивал,
На первый ряд чистым серебром,
На второй ряд красным золотом,
А на третьей ряд скатным **жемчугом.**

[Ефименко, с. 149];

В три ряда кудри
Завивались на главе, –
Виноградье красно-зеленое.
В первый ряд завивались
Чистым серебром,
Виноградье красно-зеленое.
Во второй ряд завивались
Красным золотом,
Виноградье красно-зеленое.
В третий ряд завивались
Скатным **жемчугом**

[Там же, с. 150];

У него в три ряда русы кудри завиваются;
Во первый ряд завивались чистым серебром,
Во второй ряд завивались красным золотом,
Во третий ряд завивались скатным **жемчугом.**

(арх.) [Соб, т. 3, с. 190]

Смысловая связь жемчуга и кудрей может заимствоваться, вероятно, и текстом былины, ср. единичный пример:

Чурило Пленкович у князя Владимира <...>
Да желтыми кудрями сам потряхивает,
Да желтые кудри рассыпаются,
А быв скачен **жемчуг** раскатается.

[Ковпик, Калугина, с. 297]

Наконец, образ жемчуга в ряде текстов может быть изофункциональным образу зерна; скажем, в смоленской песне жених готовит жемчуг для невесты, но его клюют голубы:

— Шуги у луги, голубы!
 Ня клейтя майи **зямчужки**;
 А мне **зимчужок** надыби:
 А мне, маладцу, на твяток,
 Анисьги маей на вянок.

(смолен.) [СЭС, с. 29]

В сказке «Василиса-поповна», которая записана в Екатеринбургской губернии, каша варится и начиняется жемчугом [Аф, т. 2, с. 376]; в варианте сказки «Хитрая наука», записанном в Нижегородской губернии, герой рассыпается мелким жемчугом, а его соперник, обратившийся петухом, клюет эти жемчужины [Там же, с. 236] — в других вариантах молодец обращается не жемчугом, а зерном; в одном из вариантов сказки о Жар-птице она ловится на два ящика с крупным и мелким жемчугом, который прилетает клевать [Аф, т. 1, с. 347], в другом же варианте — на «белоярую пшеницу» [Там же, с. 344].

Развитие соотношения «жемчуг — зерно» наблюдается в мотиве засеивания жемчугом поля: в варианте былины «Василий Буслаев» его мать в горе рассеивает по дороге домой скатен жемчуг по чисту полю [Ковпик, Калугина, с. 345], ср. еще курскую песню:

Три невольничка невольные. <...>
 Выхваляют чужую сторонущку:
 «На чужой дальней сторонущке
Жемчугом поле усеяно,
 А сытою поле вливало,
 А тофтою поле вкрывано».
 Услышал молодой майор,
 Молодой майор со полковничком.
 «Не хвалитесь, невольнички!
 Не хвалите чужу сторону!
 На чужой дальней сторонущки
 Головами поле усеяно,
 А рудою поле вливано,
 Телесами поле вкрывано!»

[Соб, т. 6, с. 103]

Сопоставление жемчуга и зерна поддерживается не только внешним сходством, но и языковыми реалиями, в которых это внешнее сходство отразилось: привозной жемчуг в России называли *бурмитским* (*гурмыжским*) и *кафимским зерном* — от названий мест его добычи, искаженного названия г. Ормуз на берегу Персидского залива и имени г. Кафа (совр. Феодосия) соответственно. Эти

названия иногда обнаруживаются и в фольклорных текстах, ср., к примеру, тульскую подблюдную песню:

Катилось зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то *зерно бурмитское*,
Слава!
Прикатилось зерно ко яхонту,
Слава!
Крупен *жемчуг* со яхонтом,
Слава!
Хорош жених со невестою.
Слава!

[Сахаров, с. 11]

Выскажем некоторые общие наблюдения над представленными выше контекстами.

Образ жемчуга появляется во многих жанрах русского фольклора разных родов — в сказках, былинах, духовных стихах, лирических песнях, причитаниях, календарных жанрах и др. Жанровой лакуной кажется отсутствие образа жемчуга в текстах заговоров, где, вероятно, нет жанрового «запроса» на детализацию предметного мира — путь до сакрального центра и описание его самого, как правило, весьма схематично.

Жемчуг в текстах русского фольклора тяготеет к положительному полюсу оценки, и его образ соответствующим образом используется: служит для разработки темы достатка и изобилия, может символизировать благополучие. Семантика определения *жемчужный* может терять свою качественную определенность и расширяться до семантики положительной оценки какого-либо объекта, персонажа или его действий, отсюда возможность появления сочетаний, кажущихся на первый взгляд нарушающими логическую норму, таких как, например, *жемчужные венцы* или *шишки* (хмеля), *жемчужная коринушка* у дуба, *жемчужный хвост* у коня и др. Подобные алогизмы — типическая черта фольклорных текстов вообще, вызванная семантическим своеобразием фольклорного слова, которое может утрачивать конкретную предметную семантику и выступать только в своем символическом значении [см.: Хроленко, 2010, с. 26–27, 44–50]. Участвуя в разработке идеи богатства, изобилия, шире — в семантическом поле положительной оценки, *жемчуг* может сопологаться *золоту* и *серебру* в рамках ассоциативного ряда, его образ может быть изофункционален образам драгоценных металлов; он появляется в описаниях волшебного мира или героя; сопровождает свадебную поэзию, где играет большую роль и в частности выступает как постоянный атрибут или символ невесты.

Вместе с тем прослеживается биполярность образа жемчуга: он может символизировать также и несчастье вплоть до смерти, участвовать в разработке темы

слез — обычно в текстах это воплощается в мотивах рассыпания жемчуга, его неожиданной порчи (потемнения), появления жемчуга во сне.

Кроме того, образ жемчуга может быть изофункционален образу зерна и участвовать в мотивах засеивания поля и клевания птицами.

Можно сказать, что, будучи самым знакомым традиционному быту драгоценным камнем, жемчуг, как представляется, отражается в фольклорных текстах в виде образа, который замещает образы всех драгоценных камней, может брать на себя роль образа драгоценного камня вообще.

Сокращения

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские
волог.	вологодские
костр.	костромские
олон.	олонецкие
смолен.	смоленские
тул.	тульские

Источники

Аф — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. М. : Наука, 1984–1985.

Балашов — Сказки Терского берега Белого моря / изд. подгот. Д. М. Балашов. Л. : Наука, 1970.

Бар — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Т. 1 : Похоронные причитанья ; Т. 2 : Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. СПб. : Наука, 1997.

Великий Север — Народный быт Великого Севера / сост. А. Е. Бурцев. СПб. : Тип. П. Ефрона, 1898.

Еф — *Ефименкова Б. Б.* Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М. : Советский композитор, 1980.

Ефименко — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. Ч. 1 : Описание внешнего и внутреннего быта. М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1877.

Кенозерские сказки, предания, былички / вступ. ст., сост., примеч. Н. М. Ведерниковой. М. : Ин-т наследия, 2003.

Ковтик В., Калугина А. Былины. Исторические песни. Баллады. М. : Эксмо, 2008.

Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1877. (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук ; Т. 17, № 3).

Кораго А. А. Речной жемчуг. Л. : Недра, 1981.

Марков — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М. : Т-во А. А. Левенсон, 1901.

Надеждин Н. И. Исследование о скопческой ереси. [СПб.] : [б. и.], 1845.

Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М. : Современник, 1989.

Рыб — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 4 т. М. : Тип. А. Семена, 1861–1867.

Сахаров — Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым : в 2 т. СПб. : Тип. Сахарова, 1841–1849.

Северный край — Обзор русского народного быта Северного края : Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания : в 3 т. / собр. А. Е. Бурцев. СПб. : Тип. Брокгауз-Ефрон, 1898–1902.

Соб — Великорусские народные песни : в 7 т. / изданы проф. А. И. Соболевским. СПб. : Гос. тип., 1895–1902.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Соколов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

СЭС — Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. 2. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1893.

ФНО — Фольклор Новгородской области: история и современность / сост. О. С. Бердяева. М. : Стратегия, 2005.

Чис — Причитания / вступ. ст. и примеч. К. В. Чистова ; подгот. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л. : Сов. писатель, 1960.

Шейн — Великорус в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб. : Имп. Акад. наук, 1900.

Шипов Н. Н. История моей жизни и моих странствий. Рассказ бывшего крепостного крестьянина Н. Н. Шипова. 1802–1862 гг. // Русская старина. 1881. Т. 31, вып. 5. С. 133–148.

Исследования

Власова З. И. К вопросу о поэтике подблюдных песен // Русский фольклор. XIV. Проблемы художественной формы. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1974.

Гальковский К. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков : Епархиальная тип., 1916.

Грачева Т. В. Жемчуг в русской литературе // Русская речь. 2002. № 3. С. 14–20.

Забозлаева Т. Б. Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков : словарь. СПб. : Искусство-СПб, 2003.

Кузнецова В. П. Причитания в северо-русском свадебном обряде. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 1993.

Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // «А се грехи злые, смертные...» Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века : в 3 кн. Кн. 1 / изд. подгот. Н. Л. Пушкарева, Л. В. Бессмертных. М. : Ладомир, 2004. С. 356–557.

Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981.

Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2010.

Шустов А. Н. Маргарин — брат перловки // Русская речь. 1997. № 4. С. 108–116.

Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М. : Искусство, 1955.

References

Gal'kovsky, K. M. (1916). *Bor'ba khristianstva s ostatkami iazychestva v Drevnei Rusi* [The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Russia] (Vol. 1). Kharkiv: Eparkhial'naia tip. Gracheva, T. V. (2002). *Zhemchug v russkoi literature* [Pearls in Russian Literature]. *Russkaia rech*, 3, 14–20.

Khrolenko, A. T. (1981). *Poeticheskaiia frazeologiiia russkoi narodnoi liricheskoi pesni* [Poetic Phraseology of the Russian Folk Lyrical Song]. Voronezh: Voronezh University Press.

Khrolenko, A. T. (2010). *Vvedevie v lingvofolkloristiku* [Introduction to Linguistic Folklore Studies]. Moscow: Flinta; Nauka.

Kuznetsova, V. P. (1993). *Prichitaniia v severno-russkom svadebnom obriade* [Lamentations in the North Russian Wedding Ceremony]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the RAS.

Shustov, A. N. (1997). Margarin — brat perlovki [Margarine, Brother of Pearl Barley]. *Russkaia rech*, 4, 108–116.

Smirnov, A. G. (2004). Ocherki semeinykh otnoshenii po obychnomu pravu russkogo naroda [Essays on Family Relations under the Customary Law of the Russian People]. In N. L. Pushkareva, & L. V. Bessmertnykh (Eds.), *“A se grekhi zlye, smertnye...” Russkaia semeinaia i seksual’naia kul’tura glazami istorikov, etnografov, literatorov, fol’kloristov, pravovedov i bogoslovov XIX — nachala XX veka* [“And These Are Evil, Mortal Sins...” Russian Family and Sexual Culture through the Eyes of Historians, Ethnographers, Writers, Folklorists, Lawyers, and Theologians of the 19th — Early 20th Centuries] (Vol. 1, pp. 356–557). Moscow: Ladomir.

Vlasova, Z. I. (1974). K voprosu o poetike podbliudnykh pesen [On the Question of the Poetics of Folk Songs]. In *Russkii fol’klor. XIV. Problemy khudozhestvennoi formy* [Russian Folklore. XIV. Problems of the Artistic Form]. Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

Yakunina, L. I. (1955). *Russkoe shit’e zhemchugom* [Russian Pearl Sewing]. Moscow: Iskusstvo.

Zabozlaeva, T. B. (2003). *Dragotsennosti v russkoi kul’ture XVIII–XX vekov: slovar’* [Jewels in the Russian Culture of the 18th–20th Centuries: Dictionary]. St Petersburg: Iskusstvo-SPb.

Кучко Валерия Станиславовна

кандидат филологических наук,
научный сотрудник лаборатории
теоретической и прикладной
фольклористики
Пермский государственный научно-
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: kuchko@inbox.ru

Kuchko, Valeria Stanislavovna

PhD (Philology), Research Fellow
Laboratory of Theoretical and Applied
Folklore Studies
Perm State National Research University
15, Bukirev Str., 614990 Perm, Russia
Email: kuchko@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7139-5738>
Scopus AuthorID: 57197728985
WoS ResearcherID: R-6809-2016